

УДК 327.8

DOI: 10.30914/2411-3522-2024-10-2-162-169

ПРЕЗИДЕНТСТВО Д. ТРАМПА (2017–2021 гг.): ЗАКАТ АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ?

Е. А. Шур

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Аннотация. Публичная дипломатия администрации Дональда Трампа (2017–2021) негативно отразилась на репутации Вашингтона. Это подтверждалось многочисленными опросами общественного мнения по всему миру. Цель: рассмотреть и проанализировать особенности публичной дипломатии Соединенных Штатов в обозначенный временной период, а также идентифицировать факторы, обусловившие снижение ее влияния. В рамках данного исследования был проведен анализ официального (правовые акты, правительственные программы, выступления Д. Трампа) и экспертного дискурса американской публичной дипломатии в обозначенный период. Для достижения поставленной цели использовалась следующая источниковая база: документы американских ведомств, статистические данные, представленные независимыми и государственными единицами, опросы общественного мнения и публикации иностранных СМИ. В статье делается вывод: хронический дефицит бюджета и кадровый голод оказали тлетворное влияние на систему американской публичной дипломатии. Игнорирование мнений ведущих экспертов в данной области привело к череде непродуманных и необоснованных действий, которые поставили под сомнение то, что выстраивалось с помощью инструментов гражданской публичной дипломатии десятилетиями – имидж США как глобального лидера и надежного внешнеполитического партнера. При этом дискурс Трампа отличался непоследовательностью, яркой эмоциональной окраской и регулярно противоречил заявлениям высокопоставленных чиновников правительства США. Ввиду общей деградации публичной дипломатии, осуществляемой гражданскими ведомствами (хотя были и некоторые позитивные тенденции), на передний план выдвинулась пропагандистская машина Пентагона, сконцентрировавшаяся на противодействии дезинформации, которая, по мнению министерства, исходила от России и Китая. После окончания своего президентского срока Д. Трамп оставил непростое внешнеполитическое наследие. Многочисленные проблемы в публичной дипломатии требовали незамедлительный мер, касающихся не только концептуальной ревизии, но и всего механизма ее осуществления.

Ключевые слова: публичная дипломатия, внешняя политика США, Дональд Трамп, Государственный департамент, Агентство США по глобальным медиа, «мягкая сила»

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шур Е. А. Президентство Д. Трампа (2017–2021 гг.): закат американской публичной дипломатии? // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2024. Т. 10. № 2. С. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-2-162-169>

THE PRESIDENCY OF D. TRUMP (2017–2021): THE DECLINE OF U.S. PUBLIC DIPLOMACY?

E. A. Shur

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The Donald Trump administration's public diplomacy (2017–2021) has left a chink in Washington's reputational armor. This is confirmed by numerous opinion polls around the world. The purpose of the study is to examine and analyze the features of public diplomacy of the United States in the specified time period, as well as to identify the factors that caused the decline in its influence. As part of the research, the analysis of official (legal acts, government programs, speeches of D. Trump) and expert discourse of the American public diplomacy in the designated period was carried out. The following source base was used to achieve the set goal: documents of American agencies, statistical data provided by independent and governmental units, public opinion polls and foreign media publications. The article concludes that chronic budget deficits

and staffing shortages had negative effect on the U.S. public diplomacy system. Ignoring the opinions of leading experts in this field has led to a series of ill-considered and unjustified actions that questioned what had been built with the help of civilian public diplomacy tools for decades – the image of the United States as a global leader and a reliable foreign policy partner. At the same time, Trump's discourse was characterized by inconsistency, bright emotional coloring, and regularly contradicted statements by senior U.S. government officials. Given the general degradation of public diplomacy by civilian agencies (although there were some positive trends), the Pentagon's propaganda machine came to the fore, focusing on countering disinformation that the department believed was coming from Russia and China. After the end of his presidential term, D. Trump left a difficult foreign policy legacy. The numerous challenges in public diplomacy required immediate measures concerning not only the conceptual revision, but also the whole mechanism of its implementation.

Keywords: public diplomacy, U.S. foreign policy, Donald Trump, Department of State, U.S. Agency for Global Media, "soft power"

The author declares no conflict of interest.

For citation: *Shur E. A. The presidency of D. Trump (2017–2021): the decline of U.S. public diplomacy? Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law". 2024, vol. 10, no. 2, pp. 162–169. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2024-10-2-162-169>*

Введение

Еще 10 лет назад американская публичная дипломатия считалась эталоном. На ее основе ведущие государства мира стремились выстраивать собственные модели. Однако период с 2017 по 2021 гг. стал своеобразной «шоковой терапией» для родины концепции «мягкая сила».

Основная цель статьи – рассмотреть и проанализировать особенности американской публичной дипломатии в период с 2017 по 2021 гг., выявить факторы, способствующие ее деградации. Выбор указанного временного отрезка обусловлен пребыванием на посту президента США Д. Трампа и его неординарным подходом к феномену публичной дипломатии. Главный тезис статьи: американская публичная дипломатия, курируемая гражданскими ведомствами – Государственным департаментом, Агентством по глобальным медиа и Агентством по международному развитию, переживала кризис в период с 2017 по 2021 годы. Для подтверждения данного тезиса автор изучил и провел анализ правительственного и экспертного дискурса американской публичной дипломатии в обозначенный период. В качестве источниковой базы исследования использовались документы американских правительственных структур, а также независимые и государственные статистические данные, результаты опросов общественного мнения и материалы зарубежных СМИ.

Теоретические основы

Термин «мягкая сила», завоевавший широкую популярность в американских правительственных кругах, был введен в научный оборот профессором Гарвардского университета Дж. Наем. Под ним ученый понимал «способность заставить других желать тех результатов, которых хотите вы, скорее с помощью сотрудничества с людьми, чем их принуждения, а также формировать предпочтения других людей, то есть «мягкая сила» – это не просто влияние, хотя это один из источников влияния, это также способность завлекать и привлекать» [1, pp. 94–95]. В своих работах Най также указывал, что «мягкая сила» может существовать вне зависимости от прикладываемых государством усилий, а публичная дипломатия служит всего лишь средством ее распространения. При этом, если «мягкая сила» страны недостаточно притягательна, усилия по имплементации публичной дипломатии будут тщетными.

Несмотря на многообразие подходов, присутствующих различным научным школам и дисциплинам, определение публичной дипломатии, данное Н. Куллом, принято в качестве одного из основополагающих в отечественной и зарубежной науке. По мнению Н. Кулла, публичная дипломатия представляет собой комплекс мер по формированию общественного мнения за рубежом и продвижение имиджа и ценностей государства для реализации его внешнеполитических задач. Она включает в себя целый пласт

информационных, образовательных, культурных, спортивных программ, а также гуманитарную помощь и использование интернет-технологий и социальных сетей [2, pp. 31–32].

Стратегическая коммуникация – еще один термин, который многие американские политики и эксперты активно использовали в связке с публичной дипломатией. По мнению корифея данной области Р. Захарны, стратегическая коммуникация является симбиозом пропаганды и традиционных программ публичной дипломатии (культурных, образовательных, информационных и иных инициатив, базирующихся на «мягкой силе») [3, p. 224]. В многочисленных публикациях и отчетах американских правительственных структур активно применялись оба термина – «публичная дипломатия» и «стратегическая коммуникация». Последняя применялась для обозначения идеологической работы правительства США по контрпропаганде и нейтрализации дезинформации из-за рубежа^{1,2}. Необходимо также отметить, что особенность стратегической коммуникации заключается в том, что она опирается на более продвинутую версию пропаганды, поскольку информационный посыл формируется на основе изучения мнения целевой аудитории.

Снижение влияния публичной дипломатии при Д. Трампе

За период холодной войны публичная дипломатия прочно укоренилась в арсенале внешнеполитических средств США, а после терактов 11 сентября 2001 года были предприняты беспрецедентные меры по ее активизации для реализации национальных интересов. Тем не менее президентство Д. Трампа поставило под сомнение авторитет Соединенных Штатов в области публичной дипломатии.

По данным исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), специализирующегося на изучении общественного мнения, личный рей-

тинг Д. Трампа за рубежом значительно уступал Б. Обаме и Дж. Бушу-младшему. Это не могло не отразиться на восприятии Соединенных Штатов в мире. Глобальный опрос общественного мнения свидетельствовал о падении имиджа Вашингтона. В 2020 году рейтинг страны скатился до рекордно низких отметок за последние 20 лет. Даже в разгар войны в Ираке американский кредит доверия был выше.

Фактически многолетние усилия Государственного департамента и других правительственных структур по презентации США в качестве ведущего игрока на международном политическом поле были нивелированы попыткой дистанцироваться от традиций американской публичной дипломатии, непониманием ее значимости для продвижения внешнеполитических интересов, а также непоследовательной и подчас популистской риторикой Д. Трампа. Индекс национальных брендов Анхольт-Ипсос (*Anholt-Ipsos Nation Brands Index*) подтвердил ухудшение репутации старейшей демократии в мире. Так, в 2020 году страна переместилась с 6 на 10 место по сравнению с 2019 годом. При Бараке Обаме, предшественнике Дональда Трампа в Белом доме, Соединенные Штаты регулярно занимали первое место – в 2009–2013, 2015 и 2016 годах³. По мнению известного исследователя Н. Сноу, американская «мягкая сила» находится в упадке, тогда как другие страны, включая Россию, Китай и Индию, продолжают расти [4, p. 23]. Данное утверждение верно лишь отчасти, так как репутация КНР снизилась на фоне пандемии коронавируса.

Институциональные и содержательные изменения в публичной дипломатии

Ревизионистский подход к американской политике на мировой арене, озвученный Д. Трампом еще в ходе своей предвыборной кампании, стал вызовом для либерально настроенных политических кругов. Исследователи Дж. Холланд и Б. Фермор полагали, что победа Трампа на президентских выборах во многом зависела от резонанса его ключевого лозунга предвыборной кампании – «Сделать Америку снова великой» (*Make America Great Again – MAGA*) [5, p. 183]. Стремление Трампа сделать

¹ Например: The Global Engagement Center: A Historical Overview 2001-2021 // U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 30.04.2024. URL: <https://www.state.gov/the-global-engagement-center-a-historical-overview-2001-2021/> (дата обращения: 11.05.2024).

² Например: Can PD Survive the Internet? Bots, echo chambers, and disinformation // U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. May 2017. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/2017-ACPD-Internet.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).

³ McGrath J., Farkas U. Germany retains top “Nation Brand” ranking, the UK emerges ahead of Canada to round out the top three // Ipsos. 27.10.2020. URL: <https://www.ipsos.com/en/nation-brand-index-2020> (дата обращения: 11.04.2024).

ребрендинг США, руководствуясь данным политическим слоганом, фактически расколола американскую и зарубежную общественность на два лагеря – почитателей и оппонентов. Одним из ключевых аргументов *MAGA* являлся тезис о том, что иностранные государства извлекают выгоду из политики Вашингтона. Исходя из этой логики, команда будущего президента утверждала, что необходимо пересмотреть торговые соглашения и военные приоритеты для восстановления былого величия Соединенных Штатов, а также отказаться от таких типичных для США политических тем, как права человека, продвижение американских ценностей и экспорт демократических идеалов. Взамен предлагалось сконцентрировать усилия на вопросах национальной безопасности и защите американских граждан за рубежом. В этой связи неудивительно, что фокус внимания публичной дипломатии стал смещаться с программ по американизации и культивированию демократических ценностей в иностранных сообществах, основанных на концепции «мягкая сила», в сторону стратегической коммуникации с акцентом на пропаганду для отражения информационных атак со стороны недружественных держав, в первую очередь – КНР и России.

Многие исследователи и эксперты склонны демонизировать Д. Трампа на посту президента [6, р. 46; 7, р. 153]. Однако необходимо подчеркнуть, что его эксцентричное поведение органично сочеталось с относительным невмешательством во многие административные и управленческие процессы, протекавшие в Государственном департаменте и Агентстве по международному развитию. Многие чиновники, сохранившие свои посты при Трампе, продолжали добросовестно выполнять свою работу по реализации основных программ, направленных на зарубежную общественность. При отсутствии указаний сверху они пытались руководствоваться ранее взятым курсом, ориентированным на долгосрочную перспективу. Это во многом позволило избежать полного затухания гражданской публичной дипломатии, хотя она перестала быть осевым направлением. Кроме того, была осуществлена давно назревшая структурная реформа Государственного департамента: произошло слияние Бюро по связям с общественностью, сфокусированного на американской аудитории, и Бюро международных информаци-

онных программ, которое занималось зарубежными проектами.

При осуществлении программ публичной дипломатии бесхозяйственность Белого дома скорее являлась плюсом, так как позволила частично сохранить те направления, которые были инициированы предыдущими президентскими администрациями. Но отсутствие четкой системы координат во внешней политике и публичной дипломатии осложняло работу Государственного департамента на стратегическом уровне. Большинство американских дипломатов при Трампе действовали по наитию, не получая однозначных инструкций со стороны Вашингтона. В условиях стремительно меняющихся геополитических реалий это препятствовало слаженному функционированию внешнеполитического аппарата и создавало впечатление дилетантства и дефицита комплексного видения у администрации относительно дальнейшей судьбы внешней политики США и одного из ее стержней – публичной дипломатии.

В итоге на фоне ослабления официальной публичной дипломатии, традиционно проводимой Государственным департаментом совместно с Агентством по глобальным медиа, бразды правления были перехвачены Пентагоном, который не преминул воспользоваться ситуацией и стал направлять публичную дипломатию в сторону пропаганды и борьбы с дезинформацией, которая, по мнению ведомства, шла главным образом от России и Китая. То есть традиционная публичная дипломатия начала уступать место стратегической коммуникации. Такой подход больше отвечал приоритетам Департамента обороны, чем программы, базирующиеся на «мягкой силе».

Кадровая и финансовая политика в области публичной дипломатии

Помимо переориентации внешнеполитического курса, немаловажную роль в смене приоритетов публичной дипломатии сыграли такие факторы, как подбор кадров на руководящие должности в Государственном департаменте, Агентстве по международному развитию и Агентстве по глобальным медиа, а также стремление Трампа значительно сократить бюджетные ассигнования на международные программы.

Кадровые перестановки привели к бурным спорам внутри американской элиты. При выборе кандидатов на должности послов Д. Трамп

отдавал предпочтение не сотрудникам дипломатической службы, а лицам из своего окружения, которые пришли главным образом из большого бизнеса и почти не имели внешнеполитического опыта. По данным Американской ассоциации дипломатической службы (*American Foreign Service Association – AFSA*), 43,5 % послов, занявших свои посты при Трампе, были политическими назначениями, а не кадровыми дипломатами, в то время как в прошлом средний показатель составлял около 30 %¹. В основе данного решения лежало стремление отблагодарить своих соратников и спонсоров предвыборной кампании. Именно поэтому основная часть назначений относилась к благополучным европейским странам с высоким уровнем жизни и низкими рисками в области безопасности.

Согласно Закону о дипломатической службе от 1980 года², большинство должностей на уровне послов должны занимать сотрудники из штата Государственного департамента, обладающие соответствующей квалификацией и рангами. Незнание дипломатического протокола и механизмов межгосударственного взаимодействия привели к череде скандалов с участием послов США в разных странах и отторжению со стороны внешнеполитического сообщества.

Наиболее хрестоматийный пример – известный режиссер-документалист Майкл Пэк, который в 2020 г. стал генеральным директором Агентства США по глобальным медиа (*U.S. Agency for Global Media – USAGM*). В 2018 году легендарный Совет управляющих по вопросам вещания, осуществляющего руководство информационного компонента гражданской (невоенной) публичной дипломатии и охватывающего широкую сеть радиостанций и телеканалов, в частности «Голос Америки» (*Voice of America, VOA*)³, радио «Свободная Азия» (*Radio Free Asia, RFA*), радио «Свободная Европа» / радио «Свобода» (*Radio Free Europe / Radio Liberty, RFE / RL*)⁴, «Офис Кубинского вещания» (*Office of Cuba Broadcasting, OCB*), «Ближневосточную сеть вещания» (*Middle East Broadcasting Network*), радио «Фарда» (*Radio Farda*) телеканал

«Альхурра» (*TV Al Hurra*), сменил свое название на *USAGM*.

В течение двух лет демократы и часть настроенных против Д. Трампа республиканцев блокировали утверждение Конгрессом кандидатуры М. Пэка, не без основания опасаясь, что это приведет к кардинальным изменениям в работе агентства. Действия ставленника Трампа на новом посту вызвали негодование у политических оппонентов и недоумение у экспертов. В частности, он отстранил от работы целый ряд высокопоставленных чиновников *USAGM*, а также отказался продлевать визы некоторым иностранным журналистам. Была предпринята попытка сменить состав правления Фонда открытых технологий, важнейшего инструмента цифровой дипломатии, который продвигает технологии свободы Интернета и помогает диссидентам обойти иностранную цензуру. По словам самого М. Пэка, «*USAGM* и должность генерального директора должны быть беспартийными». Он также заявил, что сосредоточился на том, чтобы переориентировать агентство на выполнение его миссии и стремился помочь агентству объективно и непредвзято рассказать миру историю Америки⁵.

В январе 2021 года, то есть всего через семь месяцев после своего вступления в должность, Пэк ушел в отставку по просьбе вновь избранного президента Дж. Байдена. Однако на этом скандалы вокруг одиозной фигуры бывшего генерального секретаря *USAGM* не закончились. В мае 2023 года Управление специального советника, независимое агентство, уполномоченное расследовать правонарушения в федеральном правительстве, выпустило отчет, посвященный деятельности Майкла Пэка в качестве главы Агентства по глобальным медиа. В нем сказано, что Пэк нарушил правила редакционного брандмауэра, допустил грубую растрату государственных средств и злоупотребил своими полномочиями. В расследовании приняли участие три независимых эксперта с опытом в журналистике и в сфере защиты осведомителей. Они провели в общей сложности 78 интервью, в том числе с бывшими и нынешними сотрудниками ведомства. Что касается бесед с самим Пэком и членами

¹ Appointments – D. Trump // American Foreign Service Associate. 08.01.2021. URL: <https://afsa.org/appointments-donald-j-trump> (дата обращения: 11.04.2024).

² Foreign Service Act of 1980. Chapter 3. 17 p.

³ Деятельность на территории РФ запрещена.

⁴ Деятельность на территории РФ запрещена.

⁵ Controversial head of Voice of America resigns hours after President Biden takes office // Washington Post. 20.01.2024. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/media/michael-pack-resigns-voice-of-america-biden/2021/01/20/6e2a745c-5b53-11eb-b8bd-ee36b1cd18bf_story.html (дата обращения: 10.04.2024).

его команды, то экспертам не удалось их провести, так как подобные просьбы были либо отклонены, либо остались без ответа. Многие поступки Пэка были признаны неправомерными, например приостановка действия допуска к государственной тайне у 6 руководителей агентства. Назначенца Трампа также уличили в попытке заблокировать финансирование вышеуказанного Фонда открытых технологий и в нарушении Закона о конфиденциальности, поскольку он передавал третьим лицам материалы, касающиеся личного состава агентства. Это не исчерпывающий список нарушений, а лишь наиболее громкие обвинения. В настоящий момент сам отчет удален с сайта Управления специального советника, однако остался пресс-релиз, посвященный данному информационному поводу¹, и новостное сообщение.

Апогеем информационной войны Д. Трампа и СМИ, подконтрольных Агентству по глобальным медиа, стали обвинения, сделанные в апреле 2020 г., в адрес «Голоса Америки»². Инцидент касался сообщения VOA о том, что усилия КНР по борьбе с коронавирусом являются примером для других стран. По заявлению Белого дома, *месседж* носил прокитайский характер.

Одним из ключевых вызовов стала предложенная Трампом серьезная оптимизация бюджета, выделяемого на реализацию публичной дипломатии. Например, только в 2019 году Белый дом в своем проекте федерального бюджета запросил сокращение средств Государственного департамента более чем на 25 %³, в том числе старейшей (проводившейся с 1946 г.) образовательной программы ведомства Фулбрайт (*Fulbright-Hays Program*) – на 71 %. В ответ объединенные силы демократов и республиканцев приложили значительные усилия в Конгрессе для сохранения бюджета гражданской публичной дипломатии на должном уровне [8], что поз-

волило избежать финансового коллапса американской публичной дипломатии.

Ряд американских исследователей рассматривали финансовый демарш Трампа в качестве экзистенциальной угрозы для многих программ Государственного департамента и Агентства по международному развитию [например, 9; 10, p. 10]. Для оправдания своей позиции администрация Трампа ссылалась на раздутый бюджет внешнеполитических структур и значимость ревизии и анализа эффективности проводимых инициатив. В проекте на 2018 г. объяснялось также, что планируется «сократить или прекратить финансирование международных программ и организаций, чьи миссии не способствуют существенному продвижению внешнеполитических интересов США»⁴. Распределение финансовых потоков в представленных Трампом проектах федерального бюджета также свидетельствовало об усилении позиций Пентагона в данной области.

Личная дипломатия Д. Трампа

Политическая стратегия кандидата в президенты Д. Трампа последовательно использовала негативную риторику, начиная со знаменитой речи о вступлении в предвыборную гонку, которая была опубликована в журнале *Time* в июне 2015 года⁵. То есть до момента вступления в должность президента дискурс Трампа был целостным и не содержал противоречий, которые стали характерны для персональной дипломатии после инаугурации. В ходе избирательной кампании будущий хозяин Белого дома стремился создать имидж успешного бизнесмена [11, p. 186], который далек от политики и правительственных кругов, но способен, благодаря своему напору, решительности и деловой хватке, присущей американской нации, решить текущие внутри- и внешнеполитические проблемы. Такой отличный от других политиков образ постоянно приковывал к себе внимание отечественных и зарубежных СМИ. Кроме того, речь Трампа усиливала эффект, изобилуя эмоционально

¹ Independent, Non-Partisan Report to the President Confirms Whistleblower Reports of Misconduct by Trump Political Appointees at Voice of America. Press Release // Government Accountability Project. 11.05.2023. URL: <https://whistleblower.org/press-release/independent-non-partisan-report-to-the-president-confirms-whistleblower-reports-of-misconduct-by-trump-political-appointees-at-voice-of-america/> (дата обращения: 10.04.2024).

² Деятельность на территории РФ запрещена.

³ Budget of US government. Fiscal year 2019 // Office of Management and Budget, p. 83, 144. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2019-BUD/pdf/BUDGET-2019-BUD.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

⁴ Budget of US government. Fiscal year 2018 // Office of Management and Budget, p. 13. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BUDGET-2018-BLUEPRINT/pdf/BUDGET-2018-BLUEPRINT.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

⁵ Here's Donald Trump's Presidential Announcement Speech // Time. 16.06.2015. URL: <https://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech/> (дата обращения: 11.04.2024).

окрашенными, но простыми и понятными для широкой общественности высказываниями.

После своего избрания на пост президента Д. Трамп продолжил придерживаться собственного стиля в политической стратегии. В частности, его аккаунт в социальной сети *Twitter*¹ стал главным рупором «мягкой силы» США. Во многом это обусловлено снижением эффективности других инструментов публичной дипломатии и оригинальной подачи информации и внешнеполитического видения. Не все общественные деятели и исследователи благосклонно относились к своеобразной манере Трампа излагать свои мысли. По мнению британских ученых П. Суровец и К. Майлз, Дональд Трамп привнес разрушительные стратегии в публичную дипломатию, в частности используя вышеупомянутую социальную сеть в качестве канала для персональной дипломатической коммуникации и арены для своего популистского стиля [12, р. 5]. Одними из самых провокационных и полных эмоционального накала стали твиты с угрозами тогдашнему президенту Ирана Х. Роухани (Июль 2018 года: «Никогда, никогда больше не угрожайте Соединенным Штатам, иначе вас постигнут последствия, подобные тем, от которых мало кто страдал за всю историю человечества»²) и лидеру КНДР (Январь 2018: «Лидер Северной Кореи Ким Чен Ын только что заявил, что «ядерная кнопка всегда находится на его столе». Не мог бы кто-нибудь из его истощенного и голодного до еды режима сообщить ему, что у меня тоже есть ядерная кнопка, но она гораздо больше и мощнее, чем у него, и моя кнопка работает!»³).

Необходимо подчеркнуть, что приверженность главы государства к дипломатии соцсети не являлось чем-то радикально новым, а скорее может рассматриваться как логическое продолжение политики Государственного департамента по интеграции данной социальной сети в арсенал публичной дипломатии, которая была инициирована в 2008 г. государственным секретарем К. Райс. Однако нарушение Трампом дипломатических канонов шло вразрез с ранее принятыми практи-

ками использования социальных сетей во внешнеполитических целях [13, р. 42]. С другой стороны, отход от широко распространенных паттернов и шаблонов дал возможность привлечь еще большее внимание общественности и усилить личную дипломатию. Тем более что, несмотря на чрезмерную экспрессию и определенную непоследовательность в изложении внешнеполитического нарратива, твиты президента выполняли одну из важнейших задач Белого дома – определяли новостную повестку дня на мировой арене. Тем не менее нельзя не отметить, что личность Трампа занимала все медийное пространство, а его заявления регулярно вступали в противоречия с высказываниями других членов правительства и высокопоставленных сотрудников Государственного департамента. В качестве примера можно привести неожиданный твит Д. Трампа, размещенный в декабре 2018 г., о выводе войск США из Сирии, который не только вызвал негодование у союзников, но и стал полной неожиданностью для американских чиновников на всех уровнях⁴.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть нетривиальный подход Д. Трампа к выстраиванию публичной дипломатии. Это проявилось в отказе от традиционных для Вашингтона категорий – продвижения демократической идеологии и американского образа жизни и ценностей. Такие метаморфозы были связаны с переориентацией внешнеполитического курса, а также с ослаблением самого механизма, координирующего гражданскую публичную дипломатию (в противовес военной, контролируемой министерством обороны), – Государственного департамента и Агентства по глобальным медиа. Среди причин упадка данных ведомств – кадровая политика Д. Трампа, стремление сократить соответствующие статьи федерального бюджета и отсутствие конкретных посылов и планов со стороны президентской администрации в отношении путей развития публичной дипломатии. Это не означает, что при Трампе не было никаких положительных тенденций в развитии публичной дипломатии. Например, были реорганизованы два подразделения Государственного департамента, выполнявшие схожие функции, но ориентированные на разную

¹ Деятельность на территории РФ запрещена.

² Donald Trump's Twitter Account // Twitter. 22.07.2018. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1021234525626609666> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Donald Trump's Twitter Account // Twitter. 02.01.2018. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/94835557022420992> (дата обращения: 11.05.2024).

⁴ Donald Trump's Twitter Account // Twitter. 19.12.2018. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1075528854402256896?lang=en> (дата обращения: 11.05.2024).

аудиторию. При этом обозначилось усиление военных в данной области, а информационное поле было заполнено личной дипломатией самого Трампа, в частности, посредством Твиттера.

После ухода Д. Трампа с поста президента остался целый комплекс накопившихся проблем, прочно опутавших публичную дипломатию.

Для ее восстановления требовалось не только провести концептуальную ревизию, но и осуществить масштабную реформу всего механизма, наподобие той, которая была предпринята при Дж. Буше-младшем, когда Вашингтон разворачивал идеологическую борьбу против исламского экстремизма и терроризма.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 30.07.2024.

Об авторе

Шур Елизавета Александровна

кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4197-5088>, elshur@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Nye J. Public diplomacy and soft power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008, vol. 616, no. 1, pp. 94–109. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716207311699>
2. Cull N. Public diplomacy: taxonomies and histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008, vol. 616, no. 1, pp. 31–54. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1177/0002716207311952>
3. Zaharna R. From propaganda to public diplomacy in an information age. *War, Media and Propaganda: A Global Perspective*, edited by Y. Kamalipour, N. Snow. New York; Toronto; Oxford, Rowman and Littlefield, 2004, pp. 219–226. (In Eng.).
4. Snow N. Rethinking public diplomacy in the 2020s. *Handbook of Public Diplomacy*. Routledge, 2020, pp. 18–28. (In Eng.).
5. Holland J., Fermor B. Trump's rhetoric at 100 days: Contradictions within effective emotional narratives. *Critical Studies on Security*, 2017, vol. 5, no 2, pp. 182–186. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/21624887.2017.1355157>
6. Regilme S. S. United States foreign aid and multilateralism under the Trump presidency. *New Global Studies*, 2023, vol. 17, no 1, pp. 45–69. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1515/ngs-2021-0030>
7. Moynihan D. Populism and the Deep State: The attack on public service under Trump. *Democratic Backsliding and Public Administration: How Populists in Government Transform State Bureaucracies*, edited by M. Bauer, B. Peters, J. Pierre, K. Yesilkagit, S. Becker. Cambridge, Cambridge University Press, 2021, pp. 151–177. (In Eng.).
8. Tama J. Anti-presidential bipartisanship in U.S. foreign policy under Trump: The case of the international affairs budget. *National Security & Foreign Relations Law eJournal*. Jun 2019. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3393170>
9. Rugh W., Shapiro Z. Restoring U.S. public diplomacy. *Center on Public Diplomacy Blog*. July 2020. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/restoring-us-public-diplomacy> (assessed 11.04.2024). (In Eng.).
10. Brands H. The unexceptional superpower: American grand strategy in the age of Trump. *Survival*, 2017, vol. 59, no. 6, pp. 7–40. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1399722>
11. Kayam O. Donald Trump's rhetoric. *Language and Dialogue*, 2018, vol. 8, no 2, pp. 183–208. (In Eng.).
12. Surowiec P., Miles C. The populist style and public diplomacy: kayfabe as performative agonism in Trump's Twitter posts. *Public Relations Inquiry*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 5–30. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1177/2046147X20979294>
13. Cooper A. Adapting public diplomacy to the populist challenge. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019, vol. 14, no. 1–2, pp. 36–50. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-14101011>

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 30.07.2024.

About the author

Elizaveta A. Shur

Ph. D. (History), Senior Lecturer, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (18 Bolshaya Morskaya St., St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4197-5088>, elshur@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.